

Неделя — 1987 — 15 мая — С 9

В конце декабря прошлого года состоялись две премьеры, ставшие заметными явлениями в культурной жизни страны: в Большом театре поставлена опера Петра Ильича Чайковского «Мазепа», среди исполнителей которой значатся такие имена, как Тамара Милашкина, Юрий Мазурок, Артур Эйзен, Лариса Никитина, Владимир Атлантов, а также дирижер и музыкальный руководитель Альгис Жюрайтис; а перед самым Новым годом на экраны кинотеатров вышел фильм «Борис Годунов». Объединят эти две премьеры имя режиссера-постановщика Сергея Бондарчука.

Корреспондент «Недели» В. Буряков встретился с народным артистом СССР, лауреатом Ленинской и Государственных премий, Героем Социалистического Труда Сергеем Федоровичем Бондарчуком.

— «Мазепа» — мое первое обращение к опере. Несколько лет назад в Вероне, на арене, вмещающей двадцать тысяч зрителей, я должен был ставить «Турандот» Пуччини со сценографией Марио Гарбулиа, художника, с которым я знаком еще по фильму «Ватерлоо». Работа была прервана по непредвиденным обстоятельствам. В Болгарии, в Национальном оперном театре имени Вазова, хотел поставить «Бориса Годунова» Мусоргского — уже существовала договоренность, но опять занятость на съемках помешала. И вот «Мазепа» в Большом. Мне самому очень хотелось поставить именно эту оперу Чайковского, а тут театр предложил, и я с радостью согласился. В «Мазепе» меня привлекали и мотивы пушкин-

Вопрос о новаторстве в искусстве — сложный вопрос. Для того чтобы подняться в искусстве еще на одну, пусть самую маленькую ступеньку, нужно обладать таким количеством знаний, умения, вкуса, таланта, которое многим нынешним деятелям и не снилось. В подобных разговорах в пример часто приводят Всеволода Мейерхольда — но ведь за его поисками стояла колоссальная культура, и не только театральная. Мейерхольд смог стать подлинным новатором, потому что имел это в себе. Всем известно, с какой бережностью он поставил, еще до революции, лермонтовский «Маскарад». А вот не обогащенные никакими знаниями современные люди, с ходу объявляющие себя новаторами в искусстве, выглядят иногда смешно. Но это — крайности. А есть и более сложные случаи: я смотрю, например, довольно хорошо сделанный фильм, но меня не покидает чувство, что все это уже было у неореалистов. Только проще, человечнее, глубже. Ощущение вторичности часто сопутствует моему восприятию современного искусства.

Кстати, «Борис Годунов» с успехом демонстрировался в мае прошлого года на фестивале в Канне. На днях мне стало известно, что картина закуплена рядом зарубежных стран.

— Сергей Федорович, а если бы вам пришлось выбирать между постановкой «Бориса Годунова» и ролью Бориса, что бы выбрали? Как в вас сосуществуют актер и режиссер? Помогает ли одно другому, мешает ли? Как это взаимосвязано?

— Знаете, я все-таки актер, хотя в принципе совмещение актерской и режис-

● Народные артисты СССР С. Бондарчук, Т. Милашкина, В. Атлантов.

Фото В. Ахломова.

ской «Полтавы», и гениальная музыка, и художник Н. Бенуа, сын великого Бенуа. Но был и еще один момент, может быть, самый главный: эта опера была несколько подзабыта, хотя подзабыта как бы сознательно, поскольку все партии в ней — Мазепа, Мария, Любовь, Кочубей, Андрей — невероятной сложности. Хор — тоже сложнейший. И только с таким ансамблем исполнителей, как в Большом театре, можно было решиться на постановку «Мазепы».

— В декабре на широкий экран вышел фильм «Борис Годунов», который, как и «Мазепа», поставлен по Пушкину. С чем связан ваш интерес к классике?

— С поиском гармонии в искусстве, со стремлением к полному согласию всех частей произведения. Помните, как поэт пушкинского пророка Шаляпин: «Духовной жаждаю томим...»? Вот пример совершенного произведения, в котором три гения — поэт, композитор и певец — слиты воедино. Вот к какому совершенству нужно стремиться. Для меня всегда идеалом были классическая строгость и простота. Простота и ясность — непреложное требование в искусстве. Мы же в последнее время все чаще встречаемся со сложной вычурностью, поэтому я солидарен с Еленой Образцовой, которая говорит, что ей надоел произвол по отношению к классике, встречающийся теперь на каждом шагу и оправдывающийся тем, что художник, мол, самовыражается. Недавно один популярный режиссер во всеуслышание заявил, что ему даже неважно, что там в романе «Война и мир», о чем там, — его интересует не собственно произведение, а его интерпретация. Главное — кто ставит...

Я не хотел быть «умнее» Пушкина и впахивать в «Годунова» свои «концепции»: автор-то такой, что ему можно и довериться, а не выпячивать свое режиссерское «я». Меня обвиняют в иллюстративности (хотя никто из критиков до сих пор толком, внятно не объяснил, что это такое), а я просто-напросто стараюсь свято и бережно следовать за автором (а не вопреки ему), и поэтому я против произвола по отношению к классике.

серской профессий не противопоставлено: Завадский и Охлопков, Симонов и Вахтангов, и даже, извините, Чаплин и Станиславский. Это говорит о том, что для данных профессий природа творчества едина, только в первом случае актер, как первая скрипка в оркестре, ведет свою сольную партию, а будучи режиссером — овладевает всей партитурой, становится дирижером. Иногда актеры оставляют свою профессию и полностью уходят в режиссуру: Пудовкин, например. Я же по природе своей — актер, хотя актер и несостоявшийся... Если считать не то, что я сыграл — это всегда становится как бы менее интересным, — а то, что я не сыграл. В театре я не сыграл Гамлета в постановке Козинцева. В кино — Гойю (Конрад Вольф пригласил меня, но я был занят на «Ватерлоо»), академика Королева (не понравился сценарий), Бетховена и еще несколько ролей такого же уровня, о которых мечтаю до сих пор. В молодых будущих актерах мне не нравится отношение к учебе: приходят, рассаживаются по креслам — учи меня... Да кто ж его научит? Я, вероятно, кажусь каким-то консерватором, но сегодня меня никак не удовлетворяет профессиональный уровень наших кинематографистов — актеров и режиссеров. Существуют даже какие-то вроде бы знаменитые режиссеры, у которых профессия отсутствует на чистом. А вот, скажем, на Западе такого быть не может: не владеешь профессией — не станешь режиссером. Поэтому я считаю, что нам просто необходимо повысить требовательность к профессиональному уровню нашей режиссуры.

— О каких постановках думаете, над чем собираетесь работать?

— Есть несколько произведений, которые я мечтал поставить всю жизнь и мечтаю до сих пор: «Тарас Бульба», «Тихий Дон», «Вишневый сад»... Теперь еще и «Плаха» Ч. Айтматова. Недавно от крупнейшего американского продюсера поступило предложение поставить в Голливуде «Преступление и наказание» с лучшими американскими актерами. Буду рад, если хоть что-то удастся осуществить...